

Н. В. Промыслов

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ В ПИСЬМАХ УЧАСТНИКОВ ПОХОДА ВЕЛИКОЙ АРМИИ 1812 ГОДА*

В XVIII — начале XIX в. во французском общественном мнении существовала устойчивая традиция репрезентации России и русского общества. В этой традиции, получившей весьма широкое распространение благодаря большому числу сочинений о России, вышедших в XVIII в., можно выделить как положительные, так и отрицательные стереотипные представления. Важным источником знаний о России стали и частные письма солдат Великой армии родным и знакомым, написанные во время похода 1812 г. В этой корреспонденции нашло отражение их индивидуальное восприятие той страны, в которой они оказались по воле Наполеона.

В статье рассматривается вопрос об устойчивости стереотипов восприятия при столкновении с реальностью. Изменились ли представления французских солдат о России в результате похода или они нашли новые подтверждения ранее сформированному образу страны? Основным источником для данного исследования стали частные письма участников русского похода Великой армии.¹ Большая часть изученных документов относится к периоду сентября — середины ноября 1812 г., т. е. от момента вступления французов в Москву до выхода основных сил Великой армии из Смоленска. В этот период летучие отряды активно действовали в тылу и на флангах наполеоновских войск, перехватывая курьеров с почтой и императорскими эстафетами.

¹ Эти документы отложились в архивах: ОР РГБ. Ф. 41. Карт. 165. Ед. хран. 25–26; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 239–243, 245–267, 269; РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3605. Ч. 1–2. Кроме того, копии этих документов хранятся также в РНБ в Санкт-Петербурге. Часть из них была опубликована: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* / publ. par S. E. M. Goriainow. Paris, 1913. Также в статье используются публикации писем: Chuquet A. 1812. *La Guerre de Russie: notes et documents*. Т. 1–3. Paris, 1912; Chuquet A. *Lettres de 1812. Première serie*. Paris, 1911.

Промыслов Николай Владимирович — н.с. Центра информационных технологий Института военной истории РАН (г. Москва)
E-mail: npromyslov@list.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 11-21-08003а/Гр2 «Образ врага: взаимные представления французов и русских в 1812–1814 гг.»

У солдат и офицеров Великой армии имелось три основных способа передачи корреспонденции родным и близким. Во-первых, это традиционная армейская почта, работа которой, согласно указу от 31 августа 1809 г., была строго централизована и охватывала все, даже самые удаленные, корпуса.² Правда доставка корреспонденции таким способом могла занять до нескольких месяцев, кроме того, все почтовые отправления проходили проверку «Черным кабинетом», который мог задержать любое послание. Раздачу писем, пришедших по официальной почте, могли также задерживать и по каким-то иным соображениям. Так, получив 6 ноября известия о заговоре К. Ф. Мале, Наполеон распорядился не раздавать писем, и только когда стало понятно, что заговор полностью провалился, приказ был отменен.³

Второй и наиболее быстрый способ доставки корреспонденции — это императорские эстафеты. Курьер добирался из Москвы до Парижа не более чем за 15 дней, но, для того чтобы пользоваться этим способом, необходимо было находиться поблизости от Главной квартиры и иметь доступ к тем, кто мог вложить письмо в портфель курьера. Поэтому А. Бейль жаловался аудитору Государственного совета г-ну де Ну (Noüe), что после назначения в Смоленск он, скорее всего, не будет получать никаких вестей из Франции, так как курьеры будут проезжать мимо, не оставляя ему ни единой весточки.⁴ Видимо, до этого назначения будущий писатель активно использовал близкое знакомство с Государственным секретарем графом П. Дарю для быстрее получения собственной корреспонденции.

И в-третьих, любой чиновник или офицер, отправлявшийся с поручением из Франции в Россию или в обратном направлении, получал от родственников и знакомых пачки писем, которые на месте предстояло раздать адресатам. При такой доставке писем можно было рассчитывать на то, что цензура их не коснется, но срок получения корреспонденции

² См. об этом подробнее: Pigeard A. *Le service de la post à la Grande Armée* // *Tradition magazine*. 2006. Juin. № 223.

³ См.: Коленкур А. Мемуары. Таллинн; М., 1994. С. 269.

⁴ *Lettres interceptées par les Russes...* P. 127.

мог растянуться на неопределенное время, поскольку «курьер» мог не сразу добраться до адресата или просто забыть о чем-то письме. Однако такой способ нередко оказывался все же быстрее официальной почты.

Переписка с родными была очень важна всем участникам кампании — от рядовых солдат до генералов. Во многих письмах можно найти упоминания о том, с каким нетерпением их авторы ждали вестей от родственников и знакомых и какие усилия предпринимали для поддержания непрерывного сообщения с ними. В этом отношении у солдат и офицеров фланговых и тыловых корпусов было заметно меньше возможностей, так как корреспонденцию они часто получали через Главную квартиру, что занимало намного больше времени. Поэтому вполне понятным выглядит желание комиссара дивизии генерала Л. Партуно Плейоль де Бриа отправить в штаб Наполеона нарочного с кавалерийским эскортом, чтобы переслать письмо жене во Францию и поискать ее письма, если они вдруг затерялись.⁵ При этом де Бриа понимал, что подвергает своего гонца большой опасности, так как в начале ноября коммуникационная линия между корпусом маршала Виктора и основными силами Великой армии подвергалась частым нападениям со стороны русских вооруженных сил. Однако он все равно шел на этот риск, оговаривая, что в случае необходимости приложит все усилия для вызволения нарочного из беды.

Авторы писем не хотели излишне волновать своих адресатов, поэтому часто описывали проблемы, с которыми сталкивались, с некоторой долей юмора или, по крайней мере, несколько раз повторяли в послании, что у них все в порядке. Но при внимательном прочтении писем становится ясно, что дела совсем не так хороши. Почтовый чиновник Итасс в письме к своей кузине от 15 октября так описывал свое положение: «...в остальном у меня тут все хорошо: мне не хватает всего, часто даже хлеба».⁶ Постоянное повторение фраз о том, что все идет хорошо «*je suis fort bien ici*», «*je suis aussi assez bien*», «*je me port bien*» («мне очень хорошо здесь», «мне достаточно хорошо», «мне хорошо» и т. п.), могло использоваться и для отвлечения внимания цензоров.

Практически в каждом послании участники похода писали во Францию о насущных быто-

вых проблемах (о питании и состоянии собственного гардероба, о своем самочувствии), тогда как сведения о боевых действиях встречаются заметно реже. Видимо, авторы писем, далеко не всегда обладая подробной информацией о ходе кампании, оставляли эту тему для официальных источников, и в первую очередь для бюллетеней. Так, барон де Бомон в письме к жене писал в основном о личных делах, а при упоминании Бородинского сражения и московского пожара прямо ссылаясь на бюллетени.⁷

Трудности с продовольствием начались у Великой армии еще до открытия боевых действий в России. Пленные из корпуса Даву утверждали, что уже в июне хлеба и сухарей у них было мало и они часто получали только муку, реквизированную у местного населения, также в их распоряжении было мало и водки, а вот мяса достаточно. Пленные в один голос подтверждали сведения и о недостатке фуража, вследствие чего общее состояние кавалерии было неудовлетворительным. Пленные поляки вообще утверждали, что питаются только тем, что удастся взять «грабежом и реквизицией».⁸ Во время пребывания в Москве положение с продовольствием улучшилось. В письмах можно найти довольно много упоминаний о том, какое продовольствие солдатам удалось найти в сгоревшем городе. Однако появилась другая проблема: необходимо было сохранить все найденное, что в условиях недостатка транспорта становилось крайне сложной задачей.

Большая часть участников похода вынуждены были ночевать под открытым небом практически на протяжении всей кампании. Для многих такой вариант ночлега стал реальностью еще до открытия боевых действий. Солдат 21-го линейного полка Ф. Пулашо сообщал 27 сентября жене, что уже семь месяцев спит на бивуаках, не заходя в дома.⁹ Даже если он и преувеличил несколько срок своих страданий, очевидно, что начались они до перехода через Неман, так как едва ли он смог спутать февраль и июнь.

Старшим офицерам и чиновникам Великой армии чаще доводилось ночевать в помещении или в собственных повозках. На первом

⁷ Ibid. P. 102.

⁸ Показания пленных французов и поляков, взятых в плен генерал-майором Дороховым в июне месяце 1812 г. // Русская старина. 1907. Август. Т. 131. С. 330–332.

⁹ Lettres interceptées par les Russes... P. 51.

⁵ Ibid. P. 210.

⁶ Ibid. P. 102, 103.

этапе кампании они еще часто бывали недовольны имеющимися условиями для ночлега, особенно если останавливались в городах. Э. Мунье писал жене из Ковно 25 июня: «Мы остановились в городе у одного русского чиновника. Ты не можешь себе представить, насколько это грязный дом. От подвала до чердака здесь царствует вонь».¹⁰ Это письмо относится к самому началу кампании, но уже через два месяца ночлег в крестьянской избе вызвал у того же Мунье гораздо меньше переживаний: «Дома в деревнях не многим лучше польских — хижина без трубы для печи, где все расположено в одной комнате».¹¹

Ночлег под открытым небом или в повозках вызывал у участников похода недовольство, которое они охотно выражали в переписке. Чиновник Государственного секретариата Рейон жаловался, что не спал в постели с тех пор, как выехал из Меца: «...я не считаю за постель то, что нам предложили в Германии, где спят между двумя перинами без белья. В лучшие дни, или, точнее, в лучшие ночи, холщовый мешок служил мне простыней. Сафьяновые подушки дополняли мою постель в Москве. В качестве покрывала я использовал кусок толстого сукна в два локтя».¹²

Во время пребывания в Москве и ее окрестностях многие участники похода получили возможность после долгого перерыва отдохнуть в более привычной обстановке. «Не могу передать, как я обрадовался, когда получил возможность иметь крышу над головой, сидеть на стульях, обедать за столом, используя тарелки, ведь 4 месяца мы спали под открытым небом и питались как свиньи, прямо на земле»,¹³ — писал 22 сентября лейтенант голландской гвардейской артиллерии Ф. Ш. Лист. После выхода Великой армии из Москвы ночевать на бивуаках вынуждены были лица самых разных званий и должностей. Интендантский чиновник Э. де Рибо, племянник государственного секретаря П. Дарю, писал в начале ноября своему отцу, что спит каждую ночь под открытым небом, земля служит ему матрацем, а шинель — подушкой, при этом он в конце письма признавался, что его положение наилучшее из возможных, так как он находится среди друзей его дяди.¹⁴ Ночевать

под открытым небом, несмотря на снег и мороз, вынужден был и генерал А. Жюно,¹⁵ один из близких друзей императора; даже главный интендант Великой армии генерал М. Дюма во время отступления французских войск к Смоленску в письме к дочери жаловался на «неудобства бивуаков»,¹⁶ и это несмотря на то, что за заболевшим Дюма в это время был организован очень хороший уход.

Во время отступления, когда холода становились все более ощутимы, возможность провести ночь под крышей воспринималась как высшее благо. Практически неизбежная при этом теснота, так как в каждую комнату старалось набиться как можно больше желающих отдохнуть с комфортом, не становилась большим неудобством. «Вчера и сегодня я ночевал со своими товарищами в плохой комнате, где была какая-то печь. Нас было 12, и нам было немного тесно. И мне никогда не было так хорошо и на лучших ночлегах в мире, провести ночь спокойно и в тепле, когда под тобой немного сена и когда можно снять ботинки, которые тебе жмут. Это удовольствие, которого не испытаете во Франции в лучшей постели», — писал 11 ноября Ф. Френель, первый паж императора.¹⁷ Капитан А. де Верженн 4 ноября высказался более резко о том жилище, где остановился на ночлег с генералом Ж. П. Думерком: «...с позавчера мы расположились в крестьянской лачуге, а в этой милой стране сельские жители живут в печах, едва открытых свету дня». Но и он признавал, что найти на ночь даже такое место было большой удачей.¹⁸

Попасть на ночлег в помещичью усадьбу было особенно приятно, так как там можно было найти более или менее комфортные условия, пропитание, средства для ухода за ранеными, а иногда и приятное общество. Неизвестный хирург писал из Толочина, что находится в замечательном замке, хозяева которого очень к ним добры, а ему самому помогли оправиться от небольшого заболевания.¹⁹

Рассказы об «ужасном русском климате» были очень популярны в Европе во все време-

¹⁰ Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. T. 2. P. 64.

¹¹ Ibid. P. 69.

¹² РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 267. Л. 17–18.

¹³ Lettres interceptées par les Russes... P. 26.

¹⁴ Ibid. P. 194, 195.

¹⁵ Ibid. P. 223, 224.

¹⁶ Ibid. P. 203.

¹⁷ Ibid. P. 295.

¹⁸ Ibid. P. 197.

¹⁹ Ibid. P. 250.

на. Наполеоновская пресса, наряду с вполне реалистичными описаниями погоды в России, иногда публиковала и ставшие практически мифологическими байки о птицах, замерзающих прямо в полете.²⁰ Позднее, основываясь, в частности, на 29-м бюллетене Великой армии, получила распространение точка зрения, что именно морозы стали важнейшей причиной поражения Наполеона в России. В частной переписке участников похода тема погоды и климата являлась одной из центральных. Ее значение было тем более велико, что, как уже отмечалось выше, многие солдаты и офицеры начиная с июня–июля были вынуждены ночевать под открытым небом.

До вступления Великой армии в Москву упоминания о погодных условиях, в которых оказались французы в России, встречаются в письмах не очень часто. С конца сентября эта тема становится одной из самых популярных в их письмах. Ж. П. М. Барье 24 сентября отмечал, что зима в этой стране наступает намного раньше, чем в остальной Европе, но добавлял, что это не помешает французам и далее одерживать победы.²¹ В последний день сентября полковник Ф. Парге так описывал погодные условия в России: «Дождь, ветер, снег и заморозки и низкая температура — вот какова сегодня московитская погода».²²

Французская пропаганда накануне и во время кампании 1812 г. пыталась разрушить ряд распространенных стереотипов об ужасном российском климате. С этой целью в газетах печатались заметки, где утверждалось, что различия в погодных условиях Франции и России не столь велики. Наполеон сам активно способствовал распространению этой точки зрения среди своих подчиненных как до, так и во время самой кампании. Приближенные императора часто придерживались в письмах той же точки зрения. «Мы все еще в Москве, — писал 16 октября Жюно, — и у нас по-прежнему отличная погода, что разбивает расчеты наших астрономов. Заморозки были еще 6 недель назад в Можайске (французская армия вошла в Можайск 9 сентября (28 августа ст.ст.) — *Н. П.*), и, за исключением небольшого снегопада, который был позавчера, мы еще месяц наслаждались настоящей весенней погодой».²³ Но уже с середины октяб-

ря в частной корреспонденции можно найти упоминания о выпавшем снеге и холодах. Клод Сола утверждал, что первый снег выпал уже 13 октября.²⁴ Итасс в письме своему другу Колинкампу от 14 октября писал даже, что на бивуаках по дороге на Калугу армия будет чувствовать себя не очень хорошо, находясь в снегу по ворот. Правда он тут же признавался, что несколько преувеличивает, но снегопад прошел довольно сильный.²⁵ В послании кузине он утверждал, что снег доходит до колен, что несколько сковывает движения и мешает шутить.²⁶ Несмотря на то что Итасс в этих письмах явно преувеличивал силу природных стихий (тем более, что в этот момент он сам еще находился в Москве и писал скорее о времени, когда он оставит город), несомненно одно — холод уже давал о себе знать.

В начале ноября авторы писем все чаще стали жаловаться на то, что страдают от холодов. Маршал Мюрат в письмах из Смоленска жене, дочери и сыну упоминал о наступлении суровой зимы и говорил, что к такому холоду, как в этой стране, привыкнуть невозможно.²⁷ Вопреки тому, что утверждали бюллетени, еще 4 ноября генерал Л. Барагэ д'Ильер писал, что все реки в районе действий его дивизии замерзли до такой степени, что могут выдержать человека.²⁸ Маршал Мортье также утверждал, что лично пересек 4 ноября по льду довольно большое и глубокое озеро.²⁹

В период, когда основные силы Великой армии подходили к Смоленску, погода заметно ухудшилась. Майор Маршал писал 7 ноября, что снежный покров уже достиг фута и довольно холодно.³⁰ И с этого времени в корреспонденции можно найти множество упоминаний об обморожениях. Неизвестный хирург рассказывал о большом числе замерзших насмерть французов, которых нашли на дороге.³¹ И состояние фланговых корпусов было не многим лучше. Так, Н. Удино докладывал 16 ноября Бертье, что его корпус не может вести маневренную войну, так как любой переход стоит ему больше людей и лошадей, чем боль-

²⁴ Ibid. P. 336.

²⁵ Ibid. P. 103.

²⁶ Ibid. P. 108, 109.

²⁷ Ibid. P. 317.

²⁸ Ibid. P. 344.

²⁹ Ibid. P. 238.

³⁰ РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266. Л. 18.

³¹ Lettres interceptées par les Russes... P. 250.

²⁰ Moniteur Universel. 1811. № 84.

²¹ Lettres interceptées par les Russes... P. 32.

²² Ibid. P. 61.

²³ Ibid. P. 165.

шое сражение, а солдаты умирают от холода и нехватки продовольствия.³²

Наличие персональных запасов продовольствия и теплой одежды вселяло в участников военной компании уверенность в завтрашнем дне и позволяло с юмором писать о российском климате. «Я пишу тебе в самый лучший день, при самом лучшем морозе, сидя на самом лучшем коме земли, я продрог, и особенно холодно кончикам пальцев, чтобы сказать тебе, чтобы ты обо мне не беспокоилась»,³³ — писал майор артиллерии старой гвардии Ж. Ф. Булар. А полковник Л. Сопранси сообщал 8 ноября матери, что поедет из Смоленска на санях без остановки до самого бульвара Капуцинов.³⁴

Безусловно, многие участники похода редко сталкивались в своей жизни с холодами, подобными российским, однако многие из них имели представление о том, что их может ждать зимой в этих широтах, о чем говорили их активные поиски меховых изделий и торговля найденными мехами. Некоторые даже пытались отправить часть своих трофеев на родину.³⁵ Правда запасы были довольно быстро истощены, и уже в середине октября в письмах можно найти упоминания о том, что теплые вещи значительно подорожали и купить их стало практически невозможно.³⁶ Отголоски того, что представления о российской зиме были распространены весьма широко, можно найти и в письме А. Бейля Ф. Фору от 9 ноября: «Мороз легкий, два или три градуса, но, так как мы в России, каждый убежден, что он замерзает. Все наши помыслы направлены на физическую сторону бытия: иметь или не иметь сапоги, шубу — вот основной вопрос».³⁷ Наложившись на все предыдущие стереотипы, связанные с российским климатом, испытания французов в 1812 г. только подкрепили устоявшийся образ «холодной России», так как в сознании широких слоев населения Франции все подробности относительно плохого снабжения и недостатка теплых вещей оказались связанными со страной и ее спецификой, а не с недостатками в работе интендантской службы.

С «климатическими» стереотипами французов были тесно связаны и их представления о пустынности России, о чем участники похода нередко вспоминали в письмах. Э. Мунье 19 июля писал жене: «Дорога от Вильно на Свенцяны — это ужасная пустыня. 20 или 24 лье через практически сплошной еловый лес».³⁸ Спустя месяц он снова сообщал о пустынных территориях, но уже между Витебском и Смоленском, по которым проходили французские войска.³⁹ Такое впечатление было порождено, в частности, обилием лесов, и особенно таких, которые во Франции встречаются очень редко (еловые и березовые). При этом территория «истинной России» показалась Э. Мунье более обустроенной по сравнению с бывшей Польшей, которую он только что оставил. Так, он писал: «Все земли, мимо которых я тут (в России — *Н. П.*) проезжал, от Ляд до Смоленска, были очень хорошими с широкими обработанными полями. Леса здесь расположены на некотором расстоянии от дороги и не слишком протяженные. Это похоже на равнины Германии. Но здесь очень мало деревень, а те, что есть, очень маленькие и нищие».⁴⁰ Таким образом, в представлениях Мунье Россия неожиданно оказалась более европейской страной, чем прежняя Польша.

Правда иногда участники похода указывали на текущую войну как на причину опустошения территорий, по которым они проходили. «Все деревни (между Юхновым и Вязьмой — *Н. П.*) пустынные и разграблены и не могут предоставить никакого пропитания ни для людей, ни для лошадей», — докладывал 31 августа генерал М. В. Латур-Мобур А. Бертье.⁴¹ Ему вторил О. Боне, утверждавший, что война превратила страну в пустыню.⁴²

Представления о холодном климате и пустынности России, получившие распространение еще в предыдущие эпохи, были также связаны с представлением о бедности, причем не только населения, но и страны как таковой. Бастие в послании от 17 октября так описывал окрестности Москвы: «Здесь такая бедность, какая только может быть в пустынной стране».⁴³

Согласно распространенному во Франции мнению, для России было характерно соче-

³² Chuquet A. 1812. *La Guerre de Russie*. Т. 2. P. 142.

³³ *Lettres interceptées par les Russes...* P. 184.

³⁴ *Ibid.* P. 214.

³⁵ См., например, письмо генерала Компана жене от 14 октября: *Lettres interceptées par les Russes...* P. 97.

³⁶ См. письмо Проспера от 14 октября и Ж. Досона от 15 октября: *Lettres interceptées par les Russes...* P. 149, 155.

³⁷ Стендаль. *Собрание сочинений в 15 томах*. М., 1959. Т. 15: *Письма*. С. 126.

³⁸ Chuquet A. 1812. *La Guerre de Russie*. Т. 2. P. 65.

³⁹ *Ibid.* P. 68.

⁴⁰ *Ibid.* P. 69.

⁴¹ *Ibid.* Т. 1. P. 68.

⁴² *Lettres interceptées par les Russes...* P. 251.

⁴³ *Ibid.* P. 173.

тание небывалой роскоши и богатства узкого слоя высшего дворянства с чрезвычайной бедностью большинства населения. Эти представления нашли свое отражение и в переписке участников похода 1812 г. В письме графине Дарю от 16 октября А. Бейль объяснял приверженность представителей богатейших фамилий Москвы к роскоши тем, что людям, имеющим от 500 тыс. до 1,5 млн франков годового дохода, более не на что тратить такие деньги, так как при дворе их богатствами легко может завладеть «какой-нибудь гвардейский сержант».⁴⁴ В письме, адресованном сестре Полине и графине Беньо, Бейль, повторив почти дословно многие пассажи из письма графине Дарю, уточнил, что у представителей этих богатейших фамилий (всего около 1 000 человек, по его мнению) «здесь, при деспотическом правлении, остается только одно — наслаждение».⁴⁵ Таким образом, будущий писатель воспроизвел и еще один распространенный стереотип — деспотичность правления российских государей.

Но даже пребывание в весьма изысканных домах высшей московской знати, которые успел еще до пожара посетить А. Бейль, не помогли ему освободиться от стереотипов восприятия: «Мы прошли через великолепную конюшню и сад, который был бы прекрасен, если бы на деревьях этой страны не лежал, на мой взгляд, неизгладимый отпечаток бедности».⁴⁶ Намеком на дикость России, служит и фраза из письма Ф. М. Пенгуиля Ларидона о том, что он с самого начала не хотел участвовать в кампании в стране волков.⁴⁷

Одно из самых интересных замечаний о населении захваченных территорий находим у Э. Мунье в уже цитированном письме от 22 августа. Продолжая сравнивать Россию и Польшу, он так описал увиденных им русских: «Это более приятная нация, и бороды, которые они носят, длиннее и придают им вид более мужественный и гордый, что им особенно идет».⁴⁸ В письмах очень мало упоминаний о женщинах, хотя в мемуарах можно найти значительное количество воспоминаний о встречах участников похода 1812 г. с представительницами противоположного пола. Некоторые авторы писем специально подчеркивали от-

сутствие женского общества, и мотивы таких упоминаний легко объяснимы. Так, А. Бейль в послании графине Дарю от 16 октября утверждал, что не видел женщин «после хозяек почтовых станций в Польше».⁴⁹ А интендантский служащий Ф. М. Пенгуиль Ларидон в те же дни жаловался жене, что в то время, как она в Париже наслаждается балами и иными подобными мероприятиями, он в России не видит даже сколько-нибудь миловидных женских лиц.⁵⁰

В переписке практически нет упоминаний и о Русской церкви, хотя в XVIII в. авторы многочисленных сочинений о России уделяли вопросам веры большое внимание. После многочисленных выпадов в адрес религии и церкви в эпоху Просвещения и гонений во время революции во французском обществе резко снизилось число верующих. Особенно невелика была их доля в армии. Об этом свидетельствовал и настоятель московской церкви Св. Людовика аббат А. Сюрюг.⁵¹ Его утверждение о массовом атеизме касалось в первую очередь именно французов, так как, например, немцы и поляки до войны 1812 г. имели в Москве собственные приходы. Правда в письме интенданта Могилева А. Л. М. Феске от 3 ноября можно найти свидетельство о том, что в этом городе была организована специальная военная служба,⁵² однако если принять во внимание, что письмо было адресовано матери, то вполне возможно, что эта фраза была написана специально для нее.

В описаниях сражений авторы писем, как правило, лишь ограничивались общими словами о том, что пришлось штурмовать укрепления или городские стены, а также могли сказать несколько слов о потерях обеих армий или какой-то конкретной части. Бородинская битва упоминалась во многих посланиях сентября–октября 1812 г., однако в большинстве писем указывалось лишь соотношение потерь двух армий (один погибший француз на шестерых⁵³ или восьмерых⁵⁴ русских). Лейтенант 25-го полка П. Л. Паради в двух письмах от

⁴⁴ Стендаль. Указ. соч. С. 124.

⁴⁵ Там же. С. 134.

⁴⁶ Там же. С. 114.

⁴⁷ Lettres interceptées par les Russes... P. 106.

⁴⁸ Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. T. 2. P. 69.

⁴⁹ Стендаль. Указ. соч. С. 124.

⁵⁰ Lettres interceptées par les Russes... P. 108.

⁵¹ Подробнее об этом см.: Земцов В. Н. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010. С. 116.

⁵² Lettres interceptées par les Russes... P. 188.

⁵³ Ibid. P. 50.

⁵⁴ Ibid. P. 18.

20 и 25 сентября утверждал, что лично насчитал 20 погибших русских на одного француза,⁵⁵ но такая оценка является единичной. Преувеличение потерь противника и преуменьшение собственных было традиционным явлением и в среде высшего командования всех армий того времени.

Аналогичным образом описывались потери во всех других сражениях. Так, служащий казначейства Г. Пейрюс в послании 11 ноября исчислял потери русской армии в Малоярославском сражении в 8 тыс. убитых и выведенных из боя, про потери же наполеоновских войск он не сказал ничего.⁵⁶ Официальный бюллетень № 27 от 27 октября оценил потери французов в 1500 убитых и раненых, а русских — в 6–7 тыс., из которых 1700 убитых были обнаружены на поле битвы. Также утверждалось, что противник потерял 3 генералов убитыми, тогда как у французов только один был легко ранен.⁵⁷ По оценкам современных исследователей, в сражении за Малоярославец каждая из сторон потеряла около 7 тыс. человек убитыми.⁵⁸

Во Франции очень беспокоились о судьбе своих родственников и друзей, ушедших в далекий поход. Графиня Ремюза в письме генералу Ш. Нансути так описывала ситуацию в Париже в конце сентября: «После получения известий об этой ужасной битве (Бородинской — Н. П.) здесь распространились различные слухи. Уже начали преувеличивать наши потери, и каждый начал оплакивать кого-нибудь из родных. Наконец, частные письма и Бюллетень⁵⁹ успокоили многих, и надо сказать, что они пришли как раз вовремя».⁶⁰ Вопрос о том, насколько доверяли во Франции официальной информации, опубликованной в бюллетенях, остается до сих пор весьма дискуссионным. С одной стороны, именно в то время получила распространение поговорка «врет, как бюллетень» (*menteur comme un Bulletin*) да и в письмах участников похода 1812 г. можно найти свидетельства недоверия по отношению к газетам и бюллетеням. Так, упомянутый Паради писал 20 сентября: «Ты, без

сомнения, читала рассказ о ней (Бородинской битве — Н. П.) в газетах, так вот они не преувеличивают».⁶¹ С другой стороны, можно согласиться с тезисом М. Губиной о том, что именно из бюллетеней многие французы узнавали подробности о военной кампании и о России в целом, так как большинство из них в начале XIX в. не были знакомы с сочинениями различных авторов по истории, культуре и географии России и поэтому доверяли тому источнику информации, который был наиболее распространенным.⁶² Тем более, когда дело касалось жизни и здоровья близких, письма от которых приходили редко и с большими (иногда до нескольких месяцев) задержками, родственники готовы были верить любому, кто пытался обнадежить их и успокоить.

Однако точной информации о потерях не было, видимо, ни у широких слоев населения Франции, ни у ее союзников. Так, король Вюртемберга Фредерик писал Бертье 18 октября, что со времени битвы под Смоленском (16–17 августа) он не получал никаких известий о своих войсках и не знал, каковы их потери в битве под Можайском (Бородино) и впоследствии.⁶³ Все данные о потерях Великой армии стекались непосредственно в Главную квартиру и, судя по всему, не выходили за ее пределы. Даже ближайšie союзники не должны были знать этих цифр во избежание распространения информации, которая могла бы повредить официальной версии истории кампании.

Традиционно во французской Россике русская армия описывалась как довольно опасный и хорошо подготовленный противник. Сходные оценки можно найти и в наполеоновской пропаганде накануне кампании 1812 г.⁶⁴ Однако во время войны в письмах практически не встречались положительные оценки боевых качеств русской кадровой армии. Французы, как правило, подчеркивали собственное превосходство, что вполне естественно для военного времени. Еще накануне боевых дей-

⁵⁵ Ibid. P. 20, 23.

⁵⁶ Ibid. P. 294.

⁵⁷ *Moniteur Universel*. 1812. № 322.

⁵⁸ Отечественная война 1812 года: Энцикл. М., 2004. С. 439.

⁵⁹ 18-й Бюллетень Великой армии с рассказом о битве при Москве-реке был опубликован в Париже 27 сентября, см.: *Moniteur Universel*. 1812. № 271.

⁶⁰ *Lettres interceptées par les Russes...* P. 46.

⁶¹ Ibid. P. 20.

⁶² Goubina M. Les bulletins de l'armée napoléonienne (1805–1812) et le problème épistémologique de la constitution de l'image de la Russie // Colloque «Représentations de la Russie: dire et connaître», ENS LSH, Lyon: <http://www.ens-lsh.fr/labo/CID/russe/lj-goubina.htm>.

⁶³ Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. T. 1. P. 97.

⁶⁴ Подробнее о наполеоновской пропаганде накануне войны см.: Промыслов Н. В. Образ России на страницах газеты «Монитор» накануне войны 1812 г. // Европа. Вып. 6. Тюмень, 2006. С. 64–74.

ствий гренадер Дельво так оценивал перспективы будущей кампании: «Мы идем в Россию, где мы немного подеремся, чтобы получить право идти дальше»⁶⁵ (т. е. армия императора Александра I не рассматривалась им в качестве серьезного противника). Иногда, чтобы подчеркнуть значимость своих успехов, французы писали о численном превосходстве побежденного противника. Так, Л. Куантен при описании битвы у Валутиной горы утверждал, что, «хотя русские и превосходили нас вдвое, мы смогли прогнать их в штыковой атаке».⁶⁶

Особое значение утверждения о собственном превосходстве получили в период отступления Великой армии, когда перед французской пропагандой встала задача обосновать его необходимость, чтобы как можно меньше людей в Европе восприняли его как знак поражения или слабости Империи. И письма из Великой армии оказали определенную помощь в решении этой задачи. Авторы продолжали и во время отступления писать о превосходстве французской армии, в частности, потому, что таким образом они пытались успокоить своих родных и знакомых относительно собственной судьбы. А. де Верженн писал, что во время отступления от Полоцка их дивизия не раз доказывала противнику, «что нас мало, но мы хорошие солдаты».⁶⁷ Французы подчеркивали, что побеждают во всех столкновениях с русскими войсками: «Каждый раз, когда им приходит фантазия на нас напасть, как это случилось в день нашего выхода из Вязьмы, они получают новый урок, но я сомневаюсь, что они его усваивают»,⁶⁸ — писал А. Гено 11 ноября.

Кадровая российская армия упоминается в переписке участников похода 1812 г. заметно реже по сравнению с летучими отрядами. Традиционно французы все такие части называли казаками или крестьянами, далеко не всегда разбираясь, из кого они в действительности состояли. Так Итасс 16 октября, касаясь ближайших планов считал, что Великая армия не задержится в окрестностях Москвы и вскоре направится в милую Францию.⁶⁹ Как можно видеть, регулярные войска он в расчет не брал. Описывая нападение «русских солдат и восставших крестьян» на отряд, вместе с которым

он двигался от Москвы к Смоленску, А. Бейль утверждал, что французы «скорее дали бы перебить себя до единого, чем сдались бы крестьянам, которые все равно не спеша закололи бы нас ножами или убили бы другим каким-либо приятным способом».⁷⁰ Тут автор напомнил читателям о еще одном распространенном стереотипе относительно русской армии и русских вообще — об их жестокости, которая традиционно связывалась с варварством.

В Европе в XVIII — начале XIX вв. при описании казаков всегда подчеркивались восточные черты их облика и манеры ведения войны. Во время кампании 1812 г. среди французов получило распространение сравнение казаков с мамлюками. После Египетского похода (1798–1801) о мамлюках во Франции знали довольно хорошо. Поэтому в общественном мнении Первой империи они, наряду с татарами, служили одним из символов восточной дикости и варварства. «Казаки воюют, как мамлюки, окружают и издают громкие крики», — писал Барагэ д'Ильер.⁷¹ В свою очередь, маршал Бертье, обращаясь к Нею,⁷² да и сам император французов, в 28-м бюллетене⁷³ сравнивал казаков с арабами, возможно для того, чтобы избежать ненужных ассоциаций: в состав императорской гвардии входил эскадрон мамлюков.

Многие авторы подчеркивали, что казаки не вступают в открытые столкновения с крупными силами французов, а предпочитают быстрые набеги на небольшие отряды. Такое поведение летучих отрядов французы связывали с недостатком смелости и военного искусства нападавших. «Казаки продолжают нападать на наших фуражиров, что делает коммуникации затруднительными для небольших отрядов, но все не так плохо, как иногда говорят, у них недостаточно смелости, чтобы войти в город (Москву — Н. П.)», — писал Клод Сола.⁷⁴ По словам Барагэ д'Ильера, тактика казаков опасна, когда они сталкиваются с недавно набранными войсками. Упомянув о них достаточно часто, авторы писем тем самым принижали значение действий кадровой российской армии. Таким образом они, возможно, надеялись убедить своих адресатов в том, что угроза их жизни невелика.

⁶⁵ Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. T. 1. P. 6.

⁶⁶ Lettres interceptées par les Russes... P. 17.

⁶⁷ Ibid. P. 196.

⁶⁸ Ibid. P. 283.

⁶⁹ Ibid. P. 109.

⁷⁰ Стендаль. Указ. соч. С. 129.

⁷¹ Lettres interceptées par les Russes... P. 343.

⁷² Chuquet A. La Guerre de Russie. T. 2. P. 208.

⁷³ Moniteur Universel. 1812. № 334.

⁷⁴ Lettres interceptées par les Russes... P. 337.

Московский пожар очень часто обсуждался в письмах участников похода. В дни пожара лишь небольшое количество французских войск находилось в российской столице, большая часть армии в это время располагалась вокруг Москвы. Возможно именно это объясняет тот факт, что бюллетени Великой армии (более всего 19-й бюллетень от 16 сентября) оказали заметное влияние на описание столицы и пожара в переписке. Так, вслед за бюллетенем многие авторы сравнивали Москву до пожара с Парижем. «Представь себе, — писал Ф. Ш. Лист, — Москва на 3 лье в окружности больше Парижа, то есть она составляет 10 лье. Однако в ней столько же жителей. Мне кажется, что она более красивая и лучше украшена, чем Париж. Все улицы очень широкие и удобные и даже очень чистые».⁷⁵ Некоторые авторы с помощью сравнения двух столиц пытались объяснить своим адресатам глубину собственных переживаний: «Представь себе Париж сожженным: все дома без крыш, без дверей и окон, заполненный дымящимися развалинами, некоторые дома сохранились и кажутся вам уцелевшими островами, как Ситэ и остров Св. Людовика. Мне кажется, что дворцы и архитектура даже лучше, чем о ней говорили, если судить по тому, что осталось», — писал полковник Ф. Парге.⁷⁶

О значении Москвы для экономики всей Российской империи также часто упоминалось в переписке. «Этот город является центром торговли всей России», — писал генерал Грандо.⁷⁷ «Именно здесь, — сообщает в письме Ван Бекон, — находились запасы всей торговли империи с Азией. Здесь было 15 000 лавок и складов только материи и фарфора».⁷⁸ Упоминание в письме Азии ставило саму Москву в определенный географический контекст, напоминая о том, что вся Россия является отчасти азиатской страной. К азиатским чертам российской столицы относили также большое количество мечетей,⁷⁹ церквей и колоколен, которых уже упомянутый П. Паради насчитывал до 1600.⁸⁰ В воображении некоторых авторов пожар Москвы напоминал картину гибели

Трои и Карфагена,⁸¹ что должно было свидетельствовать, с одной стороны, о величии события, а с другой — о варварстве тех, кто сжег город.

Большинство авторов писем, вслед за бюллетенями, полагали, что Москва была сожжена русскими по приказу Ростопчина, который выпустил каторжников и поручил им сжечь город. «Этот Ростопчин, наверное, или негодяй, или древний римлянин; посмотрим, как его будут судить за такие дела», — писал А. Бейль.⁸² Мнение солдата 21-го полка Пулашо, что Москва была сожжена самими французами,⁸³ судя по всему, маргинально. В некоторых письмах также можно найти обвинения императора Александра I в том, что город был сожжен по его приказу. А солдат Маршал верил, что Москва была сожжена английскими агентами.⁸⁴

Несмотря на довольно большое количество сочинений о России, вышедших в XVIII столетии, Россия в начале XIX в. по-прежнему оставалась не очень известной широким слоям общества в Европе и относилась ими к неевропейскому или не вполне европейскому миру. Сами завоеватели, придя в «варварскую» страну, приобретали некоторые «варварские» черты. Они стали утепляться с помощью волчьих,⁸⁵ медвежьих⁸⁶ и овечьих⁸⁷ шкур, которые всегда считались элементами мира варваров. Это вынужденное переодевание носило до некоторой степени карнавальный характер. Так, полковник Ф. Парге не только заказал себе теплые сапоги из медвежьей шкуры, мехом внутрь, но и, как он писал в письме к жене, «размышлял о том, как подбить мехом свой нос».⁸⁸ Пребывание в России повергало завоевателей в «варварское» состояние не только внешне, но и внутренне. А. Бейль, описывая состояние Москвы перед пожаром, отметил: «Мы привезли на смену этим любезным господам (высшей знати Мос-

⁷⁵ Ibid. P. 27.

⁷⁶ Ibid. P. 61.

⁷⁷ Ibid. P. 38, 39.

⁷⁸ Ibid. P. 50.

⁷⁹ Ibid. P. 150.

⁸⁰ Ibid. P. 22.

⁸¹ Ibid. P. 114.

⁸² Стендаль. Указ. соч. С. 115.

⁸³ Lettres interceptées par les Russes... P. 51.

⁸⁴ Ibid. P. 34. Подробнее о том, кого французы считали главным виновником пожара, см.: Земцов В. Н. Наполеон в Москве (Наполеон, его солдаты и Россия) // Французский ежегодник. 2006. М., 2006; Он же. 1812 год. Пожар Москвы.

⁸⁵ Lettres interceptées par les Russes. P. 111.

⁸⁶ Ibid. P. 61; 149; 254 et al.

⁸⁷ Ibid. P. 190.

⁸⁸ Ibid. P. 61.

квы — Н. П.) самое страшное варварство. Вы не узнали бы, сударыня, самых приятных своих знакомых».⁸⁹

Оценки событий кампании 1812 г. в частных письмах из-за недостатка у авторов точной информации, а также по некоторым субъективным причинам часто отражали позицию официальных бюллетеней. Ужасный русский климат, пожары, порожденные варварством русских, а также казаки должны были в глазах европейского общественного мнения сви-

детельствовать о том, что Наполеон, победив Российское государство в лице его армии, был побежден стихией, которой противостоять практически невозможно. Таким образом, используя распространенные стереотипы восприятия России, участники похода 1812 г. вслед за своим императором попытались снять с себя ответственность за поражение. И это им во многом удалось. Наполеоновская легенда до сих пор живет в литературных, публицистических и научно-популярных изданиях.

Ключевые слова: война 1812 г., имагология, образ России, общественное мнение, Великая армия

Nikolai V. Promyslov

Fellow, Center for Information Technology, Military History Institute, RAS (Russia, Moscow)

E-mail: npromyslov@list.ru

PERCEPTION OF RUSSIA AS REFLECTED IN THE LETTERS OF THE PARTICIPANTS OF THE GREAT ARMY'S 1812 CAMPAIGN

On the materials of private correspondence the article studies the formation of the image of Russia in the French public opinion in 1812, as well as the problem of tenacity of perception stereotypes in the event of encounter of the bearers of the given stereotype with the object of perception; the author gives an answer to the question whether the perception of Russia by the French changed as a result of 1812 campaign, or they found just another proof of their old ideas.

Key words: War of 1812, imagology, the image of Russia, public opinion, the Grand Army

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Chuquet A. Paris, 1912, Vol. 1–3. (in French).

Chuquet A. Paris, 1911. (in French).

Goubina M. *Colloque «Représentations de la Russie: dire et connaître»* (Symposium “Representation of Russia: to tell and learn”). Available at: <http://www.ens-lsh.fr/labo/CID/russe/lj-goubina.htm> (in French).

Kolenkur A. Tallinn; Moscow: Skif Aleks, 1994, 121 p. (in Russ.).

Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 (Letters intercepted by the russians during the countryside of 1812). Paris, 1913. (in French).

Moniteur Universel. Paris, 1811, № 84. (in French).

Moniteur Universel. Paris, 1812, № 271. (in French).

Moniteur Universel. Paris, 1812, № 322. (in French).

Otechestvennaya voyna 1812 goda (The Patriotic war of 1812). Moscow: ROSSPEN, 2004, 880 p. (in Russ.).

Pigard A. *Tradition magazine*, 2006, June, № 223. (in French).

Promyslov N. V. *Evropa: sb. nauch. tr.* (Europe: collected papers). Tyumen: Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2006, Issue 6, pp. 64–74. (in Russ.).

Russkaya starina (Russian Antiquity), 1907, August, Vol. 131, pp. 330–332 (in Russ.).

Stendal. Moscow: Pravda, 1959, Vol. 15, 368 p. (in Russ.).

Zemtsov V. N. *Frantsuzskiy ezhegodnik* (French Yearbook), Moscow, 2006. Available at: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Zemtsov-2006.html> (in Russ.).

Zemtsov V. N. Moscow: Kniga, 2010, 138 p. (in Russ.).

⁸⁹ Ibid. P. 161.